

*Да умножится, да возрастет
усердие к русскому слову
и в делателях, и в слушателях!*
А.С. Шишков

Наша многострадальная история полна ходячих штампов, прочно укоренившихся в сознании поколений. Русский человек вообще очень наивен, отличаясь от практичного европейца какой-то неизбывной детской простотой. Доверие же его к печатному слову было безгранично. Им-то успешно и пользовались, следуя политической конъюнктуре, чуждой идеологии или другим не лучшим мотивам. В итоге Государь Император Николай II был непременно безвольным, но почему-то «Кровавым»; П.А. Столыпин ассоциировался со «Столыпинской реакцией»; а военный министр Царя Александра I граф А.А. Аракчеев – с пресловутой «Аракчеевщиной».

Не зная ни графа, ни того, что скрыто за этим понятием, любой человек уже заранее впитывал заложенный в него негатив. Зачастую дело дальше не шло, но навязанное мнение крепко сидело в голове и заведомо вело к предвзятому отношению. На поверку же оказалось, что Царь Николай II – святой. Да еще мученик. Знал свою участь за 27 лет! А Россия при нём, не смотря ни на что, достигла небывалого расцвета во всех областях государственной жизни. Ничего плохого не сделали и А.А. Аракчеев с П.А. Столыпиным, которого, кстати, после нескольких угроз и покушений убили в 1911 году прямо на глазах Царя в переполненном людьми Киевском театре.

Однако не всем досталась такая громкая «слава». Иных как раз наоборот упорно замалчивали, по-своему «славя» в узком кругу специалистов. Именно так поступили с выдающимся русским патриотом-сла-

вяноведам, человеком исключительных дарований и интереснейшей судьбы, Александром Семёновичем Шишковым. Одно обращение к его биографии, которую крайне трудно найти в доступных источниках, способно удивить кого угодно. Ещё бы! Морской боевой офицер, участник нескольких походов и войны со Швецией 1788-1790 годов, дослужившийся до высокого воинского звания «адмирал»! Государственный секретарь, Президент Российской Академии Наук, министр народного просвещения, писатель, поэт, переводчик, неутомимый исследователь и ревнитель родного языка. «Славянофил в первом поколении».

Александр Семёнович родился в Санкт-Петербурге 9 марта 1754 года в семье инженер-поручика С.Н.Шишкова, выходца из древнего дворянского рода. В 1772 году он окончил Морской Кадетский Корпус, став мичманом. До 1776 года служил при Корпусе. 25 августа 1777-го был произведен в лейтенанты, а 2 января 1784 года – в капитан-лейтенанты. Шишков ещё застал гробной флот. Став 5 апреля 1789 года капитаном 2-го ранга, он вступил в командование фрегатом «Святой Николай» и участвовал в шедшей войне со Швецией. О ней практически не упоминается в нашей истории. Современник Шишкова Ф.Ф. Вигель по своим «арзамасским» пристрастиям даже отказывает ему, как моряку, да ещё низводит звание Александра Семёновича до «вице-адмирала». А между тем война 1788-1790 годов, как и любая другая, несла неминуемые жертвы и потрясения для обеих воюющих сторон.

21 июня 1788 года шведский король Густав III, тоскуя по былой славе и воспользовавшись Русско-турецкой войной на юге России, вторгся в Русскую Финляндию для последующего захвата Санкт-Петербурга, а его корабли под командованием брата, герцога Карла Зюдерманландского, вошли в Финский залив, чтобы уничтожить Балтийский флот и захватить русскую столицу с моря. Они были остановлены эскадрой адмирала С.К. Грейга и после многочасового ожесточенного сражения поспешно ушли на базу в Свеаборг, где были блокированы русскими. Государыня Императрица Екатерина II тепло поздравила командующего русским флотом с этой победой. Поражение у крепости Сватайнол похоронило успехи шведов на суше. Но на море война затянулась, приняв необычайно упорный и ожесточенный характер.

Спустя год, в июле 1789-го, у острова Эланд произошло новое столкновение русского флота со шведами. На этот раз его возглавлял бывший командир Ревельского порта, а по смерти С.К. Грейга, командующий Балтийским флотом, адмирал В.Я. Чичагов. После продолжительной орудийной дуэли точный огонь русских комендоров заставил неприятеля ретироваться. Через месяц у Свенскзунда русские под командованием адмирала А.И. Круза нанесли ощутимое поражение шведскому флоту адмирала Карла А. Эренсварда, уничтожив 33 вражеских корабля. Основная же часть сражений пришлась на последний год войны.

Он начался 2-го мая 1790 года новым нападением шведского флота на Ревельскую эскадру адмирала В.Я. Чичагова. Имея двойное превосходство, 22 линейных корабля и 4 фрегата против 10 линейных кораблей и 5 фрегатов, герцог Зюдерманландский бросился на русских. Два часа непрерывных атак оказались безрезультатны. Потеряв два линейных корабля, «Раксен-Стендер» и 64-пушечный «Принц Карл», а также 520 человек в русском плену, герцог двинулся за реваншем на Санкт-Петербург. Там возникла тревога, но адмирал А.И. Круз, прикрывавший столицу с моря, заверил, что неприятель пройдет только через щепу его кораблей. Столкновение произошло 23 мая 1790 года в 12-ти милях к северо-западу от Красной Горки и продолжилось 24-го. Только в первый день стороны сразились трижды. Накал боя доходил до того, что на русских кораблях взрывались пушки от перегрева стволов. Но зато в огне полыхало несколько вражеских кораблей!

После того как их сторожевой фрегат в девятом часу вечера заметил на горизонте эскадру В.Я. Чичагова, спешащую на помощь А.И. Крузу,

королевский флот прекратил бой и поспешно двинулся на запад. Началось преследование противника. 26 мая он укрылся в Выборгской губе, став на якорь между мысом Крюйсеровой и северной оконечностью острова Пейсари. Русские корабли, объединившись под флагом командующего флотом адмирала В.Я. Чичагова, бросили якоря в 17 милях от шведов, заперев их в губе. При этом все попытки неприятеля выйти оттуда были жестко пресечены. «Лишь через месяц ценой огромных потерь шведам удалось бежать в Карлскруну». В Выборгском сражении они лишились 64 вымпела. Русские захватили, сожгли и потопили 7 линейных кораблей, 3 больших фрегата, 6 катеров, 5 галер, 21 канонерскую лодку, 3 брандера, 16 транспортных судов и 3 бота. Кроме того около 5 тысяч шведов погибло и почти 2 тысячи было пленено. При этом русские потери не шли ни в какое сравнение и были ничтожно малы – 117 человек убитыми и 164 ранеными!

Между приведёнными выше сражениями флотов, 4-го, а затем 9-го мая, произошло крупное столкновение гребных флотилий, где в общей сложности встретилось 346 шведских и русских военных судов. Оно известно как Фридрихсгамское и отличалось не меньшим упорством и ожесточением.

Война завершилась лишь 3 августа 1790 года подписанием Верельского мирного договора.

Так что всё это происходило не только на глазах, но и при непосредственном участии А.С. Шишкова, уже закаленного в баталиях опытного моряка. Поэтому игнорировать его боевое прошлое подобно Ф.Ф. Вигелю, мягко говоря, нечестно. Тем более, что весной 1790 года, то есть в момент нападения шведского флота на Ревель-скую эскадру, Александр Семёнович был флаг-капитаном при командующем флотом адмирале В.Я. Чичагове, из рода которого, кстати, впоследствии вышел известный священномученик митрополит Ленинградский Серафим (Чичагов), в прошлом епископ Кишинев-ский.

В начале сентября 1796 года Шишкова перевели на Черное море, прославленное подвигами адмирала Ф.Ф. Ушакова. В ноябре он становится там капитаном 1-го ранга, а почти через год, еще при Императоре Павле I, определяется в члены Коллегии Адмиралтейства. 24 октября 1798 года Александру Семёновичу присваивается звание «контр-адмирала», а 9 мая следующего года – «вице-адмирала». Свое последнее воинское звание, «адмирала», он получил 8 февраля 1824 года. В 1799 году Шишков назначается историографом, или летописцем флота, а с 1803-го немного служит в Лесном департаменте, откуда в 1805 году переходит руководить Адмиралтейским.

По разоблачении опасной антигосударственной деятельности М.М. Сперанского, что произошло во многом благодаря решительным действиям архимандрита Фотия (Спасского), и запрещения в связи с этим Императором Александром I масонских лож в России Шишков, с 9 апреля 1812 года, становится Государственным секретарем, а с 31 июля того же года – ещё и членом Комитета по образованию Земского Ополчения для защиты Родины.

Во время Отечественной Войны 1812 года и Заграничных походов он неотлучно находился при Государе, входя вместе с А.А. Аракчеевым и министром полиции А.Д. Балашовым в его ближайшее окружение, представлявшее Комитет для отправления государственных дел, как статс-секретарь и составитель множества текущих документов – приказов, рескриптов, обращений к населению и т.п. Привлечение Александра Семёновича к этой деятельности произошло целиком по инициативе Императора: «В Петербурге, в начале весны этого года, государь призвал к себе вице-адмирала Шишкова и сказал ему: «Я читал рассуждение твоё о любви к отечеству; имея такие чувства, ты можешь быть ему полезен. Кажется, у нас не обойдётся без войны с французами. Нужно сделать рекрутский набор, напиши о том манифест». Вскоре после того появил-

сы известный манифест, начинающийся словами: «Настоящее состояние дел в Европе требует решительных и твердых мер» – и так далее».

С этого времени Александр Семёнович был рядом с Государём во все самые ответственные исторические моменты жизни родного Отечества. В частности, и в канун войны, во время его пребывания в Вильно, где состоялась встреча с Наполеоном. «...переговоры между императорами ещё длились, война не была объявлена ни с той, ни с другой стороны, – как вдруг, 13 июня, в два часа ночи, государь послал за Шишковым. Шишков застал его уже одетым, сидящим в раздумье за письменным столом. «Поспешите, – сказал он, входящему секретарю своему, – написать приказ моим войскам и к Салтыкову, в Петербург, о вторжении неприятеля в наши пределы; да непременно упомяните, что я не помирюсь с ним до тех пор, пока хоть один неприятельский воин будет оставлен в нашей земле!»

Как раз буквально за пару дней до этого Наполеон бахвалился перед своими войсками: «Непобедимые французы! Вы творили чудеса во всех землях и доказали свету, что нет в подсолнечной народа, который бы не трепетал страшного грома ваших побед! Здесь же Бонапарт пообещал господство «над русским народом», который будет «раболепно» выполнять все «повеления» и «доставлять удовольствия» победителю.

Между прочим, он сказал ещё: «Россия увлечена неизбежным роком; мир, который мы заключим, положит конец пятидесятилетнему влиянию России на Европу»?!

Здесь надо вернуться к причинам опалы всеильного Госсекретаря М.М. Сперанского, сыгравшего очень неблагоприятную роль в истории России из-за причастности к масонству. Оно было «завезено» в Россию ещё в XVII веке и широко распространилось в восемнадцатом. Однако большинство русских масонов не имели ни малейшего понятия в истинных целях его. При Александре I, склонном к мистике и реформаторству, оно получило широчайшее распространение. Сперанский вообще хотел превратить всю страну в большую масонскую ложу. Известны записки Гауеншильда, служившего при Сперанском в Комиссии законов. Гауеншильд писал в них о масонской ложе, учрежденной «реформатором немецкого масонства» Фесслером в Петербурге, куда входил и Сперанский. «Предполагалось, – пишет он, – основать масонскую ложу с филиальными ложами по всей Российской империи, в которую были обязаны поступать наиболее способные из духовных лиц всех сословий». Гауеншильд вспоминал и о том, что Сперанский при первом же свидании с ним заговорил о «преобразовании русского духовенства». В начале XIX века масоны были всюду – в ближайшем государю «негласном комитете», в Государственном совете, при дворе, среди писателей, в армии и даже в Синоде. Уничтожение всех вероисповедных, национальных, сословных перегородок, установление всемирного единообразия – вот что было основной целью масонства, несмотря на некоторые различия внутри его – часть масонов поддерживала и распространяла идеи французской буржуазной революции, другая, отмежевываясь от «вольтерьянства», создавала внецерковную мистику на основе отдельных выдержек из Ветхого завета, «восточной мудрости», язычества и «христианских» ересей. Установление Всемирного правительства «вовне» и внутренний культ «Великого Архитектора Вселенной», то есть, иными словами «князя мира», – вот к чему в целом можно свести тайные идеи масонства XVIII-XIX веков».

«Шишков был глубоко разочарован либеральным курсом, связанным с деятельностью членов Негласного комитета и М.М. Сперанского, обвинял последних в неопытности, незнании отечественных традиций, законов и обрядов, в некритичном следовании «духу времени», идеям, которые привели к «чудовищной французской революции». «Всем известно, что революционное французское правительство, как некий беснующийся исполин, терзая собственную свою утробу и в то же время с остервенением кидаясь на других, наводила страх всей Европе», – писал

Александр Семёнович по этому поводу. Тем самым он «заявил о себе как ведущем идеологе консервативно-националистических кругов».

Само собой разумеется, что Шишков стал одним из главных лидеров православно-патриотической оппозиции, которая вела борьбу с распространением западно-европейского мистицизма и с экуменической политикой Министерства духовных дел и народного просвещения, возглавляемого князем А.Н. Голицыным. Заняв в 1814 году этот пост, Шишков добился закрытия Библейских обществ – проводников экуменизма, выступал категорически против перевода Библии с церковнославянского на литературный язык, так как это, с точки зрения Александра Семёновича, вело к профанации текста. Его единомышленниками в этих православно-патриотических устремлениях были А.А. Аракчеев, М.А. Магницкий, Святители Иннокентий (Смирнов) и Серафим (Глаголевский), схиархимандрит Юрьевского монастыря близ Новгорода Фотий (Спаский) и другие.

Шишков одним из первых осуществил попытку основать кафедры славяноведения при ведущих российских университетах. Он же мечтал создать славянскую библиотеку, в которой были бы собраны известные памятники литературы на всех славянских языках и все научные труды по славяноведению.

На посту министра народного просвещения Шишков подготовил программу национального воспитания населения страны в духе Православия, верности Самодержавию и сословным началам, искони существовавшим на Руси. Это и послужило основанием для назначения его на ответственный государственный пост, где требовался человек твердых национально-патриотических убеждений, питаемых Православием.

Даровитость Александра Семеновича была рано замечена, почему ещё до войны со Швецией он стал преподавать в Кадетском Корпусе морскую тактику. При этом всю жизнь Шишков питал неподдельный интерес к литературному труду и ещё в Корпусе занимался переводами, писал пьесы, стихи и рассказы. Позднее его литературная деятельность приняла такой размер и характер, что для многих Шишков был «более известен не морскими походами, а сочинительством». Но вряд ли правильно будет ограничивать разносторонние литературные труды его одним только вольным «сочинительством», т.к. они всегда несли у Шишкова печать основательности и глубокой духовности. Например, в 1780 году он написал пьесу «Невольничество», где прославлял Государыню Императрицу Екатерину II за прекрасный акт милосердия – выкуп из алжирского плена русских невольников.

Александр Семёнович всегда трепетно относился к «Золотому веку Екатерины», в котором прошли его молодость и боевое крещение. Смерть великой Государыни Шишков воспринял как громадную потерю для родного Отечества. «Российское солнце погасло! Екатерина Вторая – телом во гробе, душою на небесах! Павел Первый воцарился», – писал он тогда.

Наш популярный историк либерального толка В.О. Ключевский называл Екатерину II «политической случайностью». По его мнению «она была последней случайностью на русском престоле и провела продолжительное и необычайное царствование, создала целую эпоху в нашей истории». Но в отличие от Василия Осиповича святые, помня о Промысле Божиим, исключали всякие случайности в нашем мире. Их исключают и дела славной Императрицы для России, а ещё больше – её отношение к подданным и ощущение своего кровного родства с ними: «Нет народа, о котором было бы выдуманно столько лжи, недепостей и клеветы, как о народе русском. [...] Я имею честь быть русской, Я этим горжусь, Я буду защищать Мою Родину и языком, и пером, и мечом – пока у Меня хватит жизни...»

Ещё до войны со шведами, в 1783-1785 годах, вышла, переведённая с немецкого языка и переработанная Шишковым, многотомная «Детская

библиотека» И.Г. Кампе. Кроме столь впечатляющего труда он писал в это же время оды, переложения Псалмов святого Царя Давида, переводил итальянских поэтов, перевёл прозой «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо, написал очерки об А.Д. Кантемире, М.В. Ломоносове и верном сподвижнике Петра Великого Архиепископе Феофане (Прокоповиче).

В 1805 году Шишков заявил себя ещё и как серьёзный исследователь русского языка, сделав свой перевод знаменитого «Слова о полку Игореве». Он изобиловал архаизмами и славянизмами и сопровождался внушительным по объёму подробным комментарием. Александр Семенович сумел в нём с большой тщательностью воспроизвести исторические черты этого уникального памятника древнерусской литературы, роднящего его с фольклором.

Шишков постоянно обращался к Священному Писанию и наследию Святых Отцов Церкви Христовой, считая их основой всего, а главное – важнейшего средства человеческого общения – языка. Последний был предметом исключительного внимания и неустанной заботы адмирала-патриота, разностороннего одаренного писателя и вдумчивого исследователя. Тяжело переживал он пренебрежение родным языком, безудержное преклонение перед Западом, совершенно неоправданное засорение русской речи иностранными словами, галломанию в литературе. То есть злоупотребление французскими словами в ущерб русским.

Активная литературная деятельность Шихкова, его склонность к глубокому исследовательскому труду, богатый жизненный опыт и личный авторитет послужили поводом для избрания Александра Семёновича 29 мая 1813 года Президентом Российской Академии наук. Через год, 15 мая 1814 года, он стал министром народного просвещения, а 30 августа того же года ещё и членом Государственного Совета.

Интерес к литературе тогда владел многими умами и проявился в возникновении целого ряда кружков, занимающихся словом. Одним из первых петербургских общественных образований был кружок в Сухопутном Шляхетском Корпусе. Его воспитанники А.П. Сумароков, А.В. Олсуфьев, А.А. Нартов, И.И. Мелиссино и С.А. Порошин из стихийно возникшего кружка организовали затем «Общество любителей российской словесности», переименованное в 1771 году в «Вольное собрание любителей русского языка». 15 июля 1801 года другая группа выпускников, но уже гимназии при Академии наук, И.М. Борн, В.В. Попугаев, В.И. Красовский, В.В. Дмитриев, А.Г. Волков и М.К. Михайлов положили начало новому литературному объединению, получившему название «Дружеское общество любителей изящного», а чуть позднее – «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Своё «Общество любителей наук, словесности и художеств» создал служащий министерства просвещения А.И. Языков, став его президентом. Оно получило официальное разрешение на существование, а для собраний – один из залов пустующего Михайловского дворца. Сын суворовского генерала П.Н. Семенов основал первый литературный кружок в Измайловском полку.

Точно так же инициатором создания круга ревнителей родного языка выступил и Шишков. Целью его было сохранение неприкосновенной природной целостности, красоты, «чистоты и непорочности» русского слова, воспитания им высокого патриотизма и любви к Отчизне. Собрания почитателей родного языка начали проводиться ещё до войны с Наполеоном, в 1807 году, а с 1810-го обрели широкую известность, став своеобразной достопримечательностью культурной жизни северной столицы в виде «Бесед любителей русского слова». Кстати, эта форма оказалась очень живучей и ещё в начале XX века прославилась знаменитыми «Телешовскими средами», где у писателя Н.Д. Телешова регулярно по средам собирались выдающиеся деятели русской культуры, такие как Ф.И. Шаляпин, А.М. Горький, Ю.А. и И.А. Бунины, Скиталец, А.И. Курприн, В.В. Вересаев, Л.Н. Андреев, А.С. Серафимович и многие другие.

Участников же шишковских «Бесед» почтил своей благосклонностью «успокоившийся патриарх» «маститый» Г.Р. Державин, «который воспел все минувшие славы России» и который «сопричтён уже был к сонму богов». Гавриила Романович не просто «почтил» собрание ревнителей русского слова, а выделил для них «великолепную залу» своего «прекрасного дома» на Фонтанке, где «как во храме бога света» заседания «Бесед» стали постоянными и собирали к себе всех желающих с восьми часов вечера до одиннадцати. Запись хода собраний «Бесед» вёл член и непременный секретарь Российской Академии наук Пётр Иванович Соколов.

Искренне почитая русское слово, члены «Бесед» стояли как бы на страже его. Естественно, они не могли не заметить вольности популярного ныне «историка» Н.М. Карамзина. Он был тогда достаточно известен своими литературными опытами в поэзии и прозе, намертво забытыми теперь. Светски воспитанный писатель, Карамзин, как и большинство представителей той же среды, с детства пропитался прозападным духом. «Мудрено объяснить состояние умов в России и её столицах, – писал современник. – По вкоренившейся привычке не переставали почитать Запад наставником, образцом и кумиром своим...!» «Уроженец Симбирской губернии, Николай Михайлович в ранней юности вступил в масонскую ложу «Златого Венца» учеником. «Я был обстоятельствами вовлечён в это общество в молодости моей», – писал он сам впоследствии. Была дана клятва: «... Я обещаю быть осторожну и скрытну; умалчивать обо всём том, что мне поверено будет, и ничего такого не делать и не предпринимать, которое бы могло открыть оное; в случае малейшего нарушения сего обязательства моего подвергаю себя, чтобы голова была мне отсечена, сердце, язык и внутренняя вырваны и брошены в бездну морскую; тело моё сожжено и прах его развеян по воздуху». «Страшися думать, что сия клятва, – говорилось в уставе вольных каменщиков, – менее священна, нежели те, которые ты даёшь в народном обществе; ты был свободен, когда произносил оную, но ты уже не свободен нарушить тайны, тебя связующа; безконечный, которого призывал ты в свидетели, утвердил оную, бойся наказаний, соединённых с клятвопреступством; ты не избежишь никогда казни твоего сердца и ты лишишься почтения и доверенности многочисленного общества, имеющего право – объявить тебя вероломным и безчестным». Текст был скреплён собственной кровью, а на язык была наложена металлическая Соломонова печать».

«Современные исследователи уточняют картину: «...В это время в нашем многострадальном Отечестве – от Варшавы до Иркутска – существовало более ста лож, в которые в совокупности входило более пяти с половиной тысяч – почти весь цвет русской аристократии. В высших кругах ходила поговорка: «Да кто же ныне не масон?»».

«Следует подчеркнуть, что Симбирская ложа, в которую вступил Карамзин, была особой». От неё в своё время крепко пострадал служка Преподобного Серафима Саровского Н.А. Мотовилов. Предводитель Казанского губернского дворянства князь М.П. Баратаев, сблизившись с ним, предложил «вступить в число масонов, уверяя, что, как рассказывал потом сам Николай Александрович, если я хочу какой либо успех иметь в государственной службе, то не будучи масоном, не могу того достигнуть ни под каким видом!»

Вопреки заверениям, что Карамзин порвал с масонством, этого не произошло, да и не могло произойти. Напротив, вся его последующая биография «свидетельствует о большом доверии матёрых масонов» к Карамзину. Его очень ценили за «скромность, трудолюбие, литературные способности, знание иностранных языков».

Непоколебимый ортодокс, «ходячий анахронизм», неистовый ревнитель родного слова Шишков резко выступил против Карамзина, затеявшего губительные реформы русского языка. «...когда сей последний приметно начал становиться основателем школы, – писал современник, то он (А.С. Шишков – В.Ц.) жестоко вознегодовал. В таком расположении

духа издал он памфлет под названием: «О старом и новом русском слоге», где сильно и довольно грубо напал на галлицизмы, на нововведения московских писателей. Это был первый пушечный залп из собравшегося неприятельского стана! Под «станом», естественно, имелись ввиду сторонники адмирала.

К сожалению, далеко не все тогда, как Шишков, до конца осознавали какую громадную угрозу несут нововведения Карамзина, представляющие собой, образно говоря, ещё один провокационный «девятый том», коим он охаял личность и дела первого Помазанника Божия на Русском Престоле, Царя Иоанна IV Васильевича Грозного. На сей раз целью заказного «реформатора» от масонства был язык народа-богоносца, хранителя святынь веры.

В.Г. Белинский писал по поводу предпринятых «реформ», что Карамзин «...преобразовал русский язык, совлекши его с ходуль латинской конструкции и тяжелой славянщины и приблизив к живой, естественной, разговорной русской речи». В действительности же Карамзин как раз напротив «вводил в литературный язык преимущественно словупотребление образованного дворянского общества. Отсюда – известное засорение речи иностранными словами и лексикой аристократических кругов, деление слов на «благородные» и «низкие», изгонявшиеся из литературного обращения, создание по западно-европейскому образцу оборотов речи и выражений, которые вели к вычурности слога».

Безусловно, это необузданное «реформаторство» вело к очевидному обеднению языка, отрыву его от народных корней и выразительной естественности просторечий. Позже А.С. Пушкин эту «манерность, робость и бледность» стиля Карамзина называл «вредными последствиями» подражательности и боязни обогатить русский язык за счет народных источников. Кстати, неприятие нововведений Карамзина выражали не только сторонники Шишкова. «Гораздо опаснее и гораздо его сердитее был новый противник, который сначала тайно, а потом явно восставал на Карамзина». Это был профессор истории Московского университета М.Т. Каченовский. «Все недруги его ...отдавали справедливость его уму и учености...». Михаил Трофимович тоже был против засорения русского литературного языка иностранными и вновь изобретёнными словами «реформатора».

На защиту Карамзина бойко поднялась литературная молодежь того времени, объединившаяся в кружок под названием «Арзамас». Не обремененная опытом прожитых лет и знанием жизни, она действовала с пылкой горячностью и задором беспечной молодости. Ребячьи сердца бурно защищали своего кумира, как им казалось, от незаслуженных нападков отживающих свой век архаистов. В целом вся деятельность «арзамасцев» больше походила на игру, чем на серьезную полемику по насущным вопросам литературной жизни русского общества. Собирались они, в основном, на той же Фонтанке, но только в квартире Тургеневых в доме Голицина.

Противостояние «Бесед» и «Арзамаса» началось ещё до войны 1812 года и продолжилось вскоре после её окончания. Оно сопровождалось нелецеприятными выпадами друг против друга. Острота пикирования определялась созвездием талантливых имен молодежного кружка, куда входили В.А. Жуковский, составлявший редкое исключение по возрасту, П.А. Вяземский, В.Л. Пушкин, А.Ф. Воейков, Д.В. Дашков, А.И. Тургенев, Д.И. Блудов и другие. Позднее к ним присоединился и А.С. Пушкин. Большинство из них были совсем юны, а несовершеннолетнего князя Петра Вяземского обязывало защищать Карамзина само положение воспитанника, а заодно и шурина. Слишком молодой возраст многих «арзамасцев», как сказано, превращал участие в обществе с шуточным церемониалом приема и обязательными прозвищами в некую забаву недорослей, лишённую глубокого подхода и серьезности. Прозвища давались из баллад Жуковского, а некоторые имели их по два, или

одно сложное, из пары слов. Например, Никита Муравьев был «Адель-станом» и «Статным Лебедем», Александр Плещеев – «Черным Враном», Николай Тургенев именовался как «Варвак», Михаил Орлов – «Рейн», «новоиспеченный арзамасец» А.Пушкин – «Сверчок», Д.Дашков – «Чу», Вязем-ский – «Асмодей», Уваров – «Старушка», Жуковский – «Светлана», А.Тургенев – «Эолова Арфа», Северин – «Резвый Кот», Батюшков – «Ахилл», будущий дипломат и министр Блудов – «Кассандра». Последний был наиболее деятельным в «Арзамасе»: придумал ему название и председательствовал на собраниях.

Состав «Беседы» отличался солидностью: Г.Р. Державин, А.С. Шишков, А.А. Шаховской, С.А. Ширинский-Сихматов, А.С. и Д.И. Хвостовы, И.С. Захаров, Н.И. Гнедич, Н.И. Греч и другие. Достаточно сказать, что последний редактировал «Сына Отечества», графы А.К. Разумовский и П.В. Завадовский были в разное время министрами просвещения, а И.И. Дмитриев возглавлял министерство юстиции.

«Спустя несколько времени, – продолжал современник, – другой выстрел последовал со сцены. Князь Шаховской, служивший в театральной дирекции, написал комедию «Новый Стерн», направленную против Карамзина.

На «выстрелы» «Беседы» появился ответ «Арзамаса» в виде эпиграммы «молоденького тогда Блудова»:

*Хотите ль, господа, между певцами
Узнать Карамзина вы записных врагов?
Вот комик Шаховской с плачевными стихами,
И вот бледнеющий над святыми Шишков.
Они умом равны, обоих зависть мучит;
Но одного сушит она, другого пучит.*

«...эта иголка, – замечает все тот же современник, – на некоторое время как будто прекратила действие тяжелых орудий. После этого долго еще не было явной войны. Она было возгорелась в 1810 году, но скоро остановлена происшествиями другой войны, более кровопролитной. После вторичного занятия Парижа наша литературная война возобновилась с новою яростью; последние её жестокие сражения происходили в 1816-м».

В 1804 году Шишков дополнил свою антикарамзинскую статью новой – «Прибавление к рассуждению о старом и новом слоге российского языка». В ней он «выступил против манерности сентиментальной прозы, ориентируя литературу на старославянский язык как «...корень и начало Российского языка...». Принципиальная позиция Шишкова в борьбе за русский язык была неизменной и абсолютно непоколебимой. Ещё в 1784 году в «Собеседнике любителей российского слова» в стихотворении «Старое и новое время» он противопоставил развратному настоящему свой идеал – допетровское прошлое. Правота и искренность устремлений «честного и почтенного» адмирала Шишкова вызывали невольное уважение у его противников: «Любимый свой славянский язык искал он не только в землях, ныне или прежде обитаемых славянами, но и везде откалывал корни словес его. Предприятие важное, дело похвальное, страсть благородная!»

Пример Шишкова представлял собой яркое горение любовью к России. К её корням, в то время как «наши баре не учились русской грамоте» и пренебрегали всем отеческим. В отличие от них Александр Семенович ещё «в молодости пленился церковным нашим языком, его изречениями, его оборотами и целый век хлопотал о том, чтобы ввести его в письмена и разговоры!» Этим он по существу рождался со своим великим предшественником Михаилом Васильевичем Ломоносовым, который так же поднимал тему обогащения речи церковнославянской сокровищницей в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке». В одной из

своих речей в «Беседе», которая впоследствии была опубликована, Шишков подчеркивал значение церковных книг и фольклора для развития современной литературы. Продолжая эту тему в «Разговорах о словесности», он говорил, что фольклорный мир является как бы нравственной нормой человека, идиллией, лишенной социальных противоречий. Причем в этой работе Александром Семеновичем был предпринят первый в истории литературы удачный опыт классификации художественных приемов устного народного творчества.

Искренность убеждений и выраженный патриотизм, заложенные в трудах Шишкова сыграли положительную роль в развитии русской литературы как в борьбе с манерным сентиментализмом и вычурностью, так и в создании высокого гражданского стиля, провозглашённого ещё М.В. Ломоносовым. Его взгляды разделяли известные литераторы – И.А. Крылов, А.С. Грибоедов, Ф.Н. Глинка, В.Ф. Раевский, В.К. Кюхельбекер и другие. Не случайно филологические идеи Шишкова активно обсуждались руководителями декабристского восстания 1825 года. Его сторонником, в частности, был П.И. Пестель, собиравший в своей домашней библиотеке сочинения Шишкова и предлагавший вслед за ним создание русского национального языка на церковнославянской основе. И уж вовсе не случайно, замороженные масонством, декабристы предполагали назвать свою будущую столицу Славянском.

Интересно, что, став 1 июня 1826 года членом Верховного Уголовного Суда по делу декабристов, Александр Семёнович оставался верен себе. Как православный человек он из милосердия настаивал на смягчении приговора государственным преступникам, несмотря на тяжесть содеянного ими.

Под влиянием идей Шишкова родилась и общеизвестная знаменитая триада «арзамасца» графа С.С. Уварова: «Православие, Самодержавие, Народность». В работе «Рассуждение о любви к Отечеству», появившейся накануне войны с французами, на которую обратил внимание Государь Император Александр I, Шишков в очередной раз резко критиковал галломанию и космополитизм. Она вызвала широкий общественный резонанс и была весьма своевременной, ибо вскоре на деле осуществился незыблемый духовный закон о непоругаемости Бога и наказании Им по греху. В результате повальное увлечение французским, когда, презиравя родной язык, вся промасоненная светская знать изъяснялась только на нём, и привело к нашествию Наполеона.

Правда, до каких бы резкостей не разыгрывали страсти со стороны «карамзинистов» твердая позиция участников «Бесед» и в первую очередь самого Шишкова порой охлаждала их пыл, заставляла меняться в поведении и взглядах. Примером тому может служить К.Н. Батюшков, который считал, «что Карамзин идёт исторически оправданным путем», будучи «принуждён изобретать беспрестанно новые слова, выражения и обороты...». На первых порах он просто негодовал по поводу «славян» и буквально испепелял их в своих письмах и произведениях, рожденных в ходе перепалок литературной войны. Однажды, зайдя на собрание «Беседы», Константин Николаевич стал свидетелем чтения Шаховским 2-ой песни своей иронической поэмы «Расхищенные шубы», начатой ещё в 1811 году. В ней он зло пародировал стихи Карамзина и Пушкина. Возмущенный её содержанием, Батюшков писал Петру Вяземскому: «Его «Шубы» очень холодны... В его «Шубах» не одному Пушкину досталось, но всем честным людям: Карамзину, Блудову... Какое невежество!.. Как? Коверкать, пародировать стихи Карамзина, единственного писателя, которым может похвалиться и гордиться наше отечество, читать эти глупые насмешки в полном собрании людей почтенных, архиереев, дам и нагло читать самому!.. О, это верх бесстыдства! Я не думаю, чтоб кто-нибудь захотел это извинить. Я же с моей стороны не прошу и при первом удобном случае выведу на живую воду славян, которые бредят, славян, которые из зависти к дарованиям позволяют себе все, славян,

которые, оградясь щитом любви к отечеству (за которое я на деле всегда был готов пролить кровь свою, а они чернила), оградясь невежеством, бесстыдством, упрямством, гонят Озерова, Карамзина, гонят здравый смысл».

В своих размышлениях наедине он уносился мыслями в ненавистную «Беседу», думая: «Они – торжествуют. Бесталанные, важные, все при каком-нибудь начальствовании... Не хочется думать, что Державин возле них... нет, не возле, он – над ними...».

Считалось, что литературный салон открыт Державиным, и он там главенствует, а «два верховные жреца, Шишков и Шаховской, ему поклонялись и именем его управляли толпою мелких служителей, дьячков, пономарей, звонарей Аполлона». Во всяком случае, так хотелось думать. Подобное происхождение в умах света имел и «контраст между Сперанским, столь примечательным по необыкновенному уму своему и познаниям, и преемником его Шишковым, который вне славянской лингвистики ничего не смыслил, был слишком разителен, чтобы сей последний мог долго оставаться на его месте государственным секретарём»?!

Такая недобросовестная пристрастность отношения света делали Шишкова в его глазах пуристом, мешающим развитию языка, а трезвые и мудрые взгляды адмирала преподносились как «узкое и вредное учение». Между прочим, в духе той же неприязни к участникам «Беседы» писал Гнедичу действительный тайный советник А.А. Нартов, называя их не иначе как «наши варвары»: «Я слог их сравниваю с рекой, в которую нельзя погрузиться, не омочив себя... Лучше прочесть страницу стихотворной прозы из «Марфы Посадницы» (Карамзина), нежели Шишкова холодные творения».

После этих строк так и хочется вспомнить многих наших интеллигентов начисто утративших патриотизм и чувство личной привязанности к Родине, которые, в отличие от Шишкова и его единомышленников, вчера и сегодня «всегда с нежным восторгом говорят о Западе и стараются подражать ему...».

На самом же деле бесплодная и вредная борьба лишь растрачивала силы и творческую энергию. Взять хотя бы сатиру «Видения на берегах Леты» Батюшкова, о котором идёт речь: «Сюжет явился как бы сам собой, Аполлон решил отправить в Элизиум, то есть умертвить, всех «поэтов наших» (исключение составили только Карамзин, Жуковский и Гнедич). И вот они толпятся со своими сочинениями на берегу Леты, реки забвения:

*Идут толпой в ущелья тесны,
К реке забвения стихов,
Идут под бременем трудов;
Безгласны, бледны, приступают,
Любезных детищей купают...
И более не зрят в волнах!*

Один из эпизодов специально посвящен «Славенофилу», Шишкову: «Призрак чудесный и великий в обширном дедовском возке», в который «наместо клячей» впряжены стихотворцы, стихи которых «хоть немного жёстки, но истинно варяго-росски».

В марте 1813 года Батюшков написал сатирическую кантату «Певец в Беседе любителей русского слова». В ней он «сделал очень смелый и безошибочный ход, – пишет биограф поэта, – «вывернув» стихотворение Жуковского и заставив «Певца» петь издевательские похвалы архаистам, противникам «нового слога». ...Это не был юмор «Видения на берегах Леты», Батюшков уже не смеялся, а бил, и бил больно». Шишков был выведен им в кантате как «Дед седой», Шаховской – «холодных шуб родитель», а замыкал главное трио «славян» «Шихматов безглагольный».

На деле же произведения наиболее видных почитателей русского слова, участников собраний «Беседы», не допускали пустой отвлечённости и эстетства, а по большей части несли высокую гражданственность и патриотизм. Князем С.А. Ширинским-Шихматовым, например, были «созданы поэмы «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасённая Россия» и «Пётр Великий»; С.Н. Глинкой – исторические драмы «Михаил, князь Черниговский» и «Минин», поэма «Пожарский и Минин», повесть «Записки о 1812 годе»; И.А. Крыловым – «Илья-богатырь», «Волк и ягнёнок» и т.п. Кстати, этот «безглагольный» впоследствии принял монашеский постриг с именем Аникиты и был архимандритом посольской церкви в Афинах. Как и Шишков, он ни на йоту не изменил своим убеждениям.

Война с французами вызвала патриотический порыв во всех слоях русского общества. Жизнь обеих столиц стала биться в унисон.

Москва: «В театре играли более русские пьесы: «Наталья, боярская дочь» С. Глинки, «Добрые солдаты», «Илья Богатырь» (оперы Каваса), «Иван Сусанин» (Шаховского). Сверх того, композитор Дехтерев написал тогда первую русскую ораторию «Минин и Пожарский», в которой звуками рассказывалось о том, что чувствовало русское сердце, музыка и театр, гимны, кантаты, куплеты, петье в честь русских, служили патриотическим целям, увлекали всех силою проникавшего в русские души настроения!»

В Петербурге в это грозное время с большим удовольствием смотрели пьесы «Пожарский» и «Димитрий Донской»; когда в последней пьесе вестник, вбегал на сцену, восклицал: «Россия спасена!» – театр стонал от избытка душевных потрясений. Тогда особенно сочувствовали пьесе Висковатого «Ополчение» и присоединённому к ней балету Каваса под названием «Любовь к Отечеству»!

Любопытно, что тогда же в Москве вышла небольшая книжечка под названием «Мысли вслух на красном крыльце» Силы Андреевича Богатырёва, где он, между прочим, говорил о модниках, приверженцах французов: «Их отечество на Кузнецком мосту, а царство небесное в Париже!» После прибавил он: «Жаль дубинки Петра! Взять бы её хоть на недельку из Кунсткамеры да выбить бы ею дурь из дур и дураков!» Запальчивость Батюшкова была вполне характерна для буйного «Арзамаса». Его молодежь все время остроумно пародировала устав и заседания «Беседы», потешались над её завсегдатаями. Однако юным максималистам этого было мало: они сделали чучело Шишкова и глумились над ним, как над присутствующим. Д. Дашков же выступил против Шишкова с маленькой брошюркой «О легчайшем способе отвечать на критику», походившую на полную беспомощность и булавочный укол.

Постепенно отношение Константина Николаевича по отношению к «Беседе» заметно смягчилось, что вызвало недовольную реплику уязвленного Вяземского в письме одному из Тургеневых, «что Батюшков «променял ястреба на кукушку», где под «ястребом», естественно, подразумевалась прежняя разящая сатира. Да и сам Карамзин под воздействием «Бесед» при публикации в начале XIX века своих «Писем» понял, что «пересолил» и был вынужден заменить все иностранные слова «адской державы», как он назвал Францию, на русские. «Известно, что ещё Пётр I не жаловал французов и языка их: «Русским можно учиться голландскому языку для мореплавания, – говорил он, – немецкому по соседству с Германией, а французский нам ни к чему не пригоден!»

Ещё хлеще по этому поводу выразился известный врач и естествоиспытатель XVI века Парацельс. В своих записках он объяснял характер французов, к которым так благоговел по-масонски противоречивый Карамзин, собственным их именем: «Они не только называются галлами, – сказал он, – но действительно походят на петухов (gallus по-латыни значит петух) по трём причинам: по спеси, по неверности и по сварливости их нрава. Возьмите наудачу француза, перегоните его в кубе – выйдет парикмахер!»

Всех внимательнее следили за действиями французов англичане: «...они вычислили, что Наполеон с 1802 г. принёс в жертву честолюбию своему 5 миллионов людей, что для человечества он был впятеро гибельнее Юлия Цезаря, который своими войнами истребил миллион людей». Британская пресса писала: «Наполеон жаждет в Чёрном море мыть бельё, в Средиземном – купать лошадей, в Балтийском – ловить рыбу, по Атлантическому океану – прогуливаться, в Тихий – смотреться вместо зеркала». Живо реагируя на ход войны, англичане иронизировали: «Труба славы Наполеона замёрзла в России, бегство его из Египта было триумфом в сравнении с бегством их Москвы; теперь он считает своими войсками тех, кто лежит в России под снежными сугробами. В кенигсбергских газетах дополнили эту эпиграмму, там писали, что у французов появилась болезнь «тоска по родине», потому что они опрометью бегут домой»!

Наполеон, продолжали ёрничать англичане, в прежние войны давал своим генералам «итальянские, немецкие и испанские имена; не вздувает ли он, в память знаменитого похода на Россию, пожаловать им и русские»: «убитый», «взятый в плен», «побитый наголову»...

Самому Наполеону, считали британские шутники, «хорошо бы принять титул: Made-off», что означает «убежавший»!

Надо сказать, что дело неуёмных «карамзинистов» из «Арзамаса» не пропало даром. Искажённое восприятие выдающегося славяноведа-патриота от них унаследовали филологические факультеты советских вузов. Там Александр Семёнович Шишков преподносился как ярый реакционер, консерватор и безграмотный исследователь-дилетант, а то и ещё хуже. Несправедливость подобных суждений возмутительна. Думается, давно пришло время переоценки одиозных взглядов и возвращению доброго имени «патриарха русской словесности». Его труды в области языка имеют непреходящее значение и никогда не устареют. Время лишь подтвердило правоту великого славяноведа, лингвиста и патриота России. Сегодня как никогда важно его предупреждение: **«Хочешь погубить народ – уничтожь его язык!»**

В 1826 году на пути этой опасности был поставлен тщательно разработанный Шишковым Цензурный Устав, немедленно утверждённый Государем Императором Николаем I. Задачей этого Устава было направлять общественное мнение в соответствии «с настоящими политическими обстоятельствами и видами правительства». Его характер «был пресекающим и карательным. Цензорам вменялось в обязанность проникать в цель и дух не только литературных и исторических, но даже географических и других научных сочинений, зорко следя за тем, чтобы не пропустить ничего неблагоприятного монархическому правлению».

Неистовая злоба, обрушившаяся на него в последующем, заклеившая этот фундаментальный труд Александра Семёновича «чугунным», лишь убеждает в его необходимости и силе. Особенно сегодня, когда после многих «реформ» и, наконец, замены нашей исторической азбуки на куцый алфавит, издевательства над русским языком стали так откровенны и циничны.

Шишков убедительно доказал, что язык является драгоценнейшим достоянием народа, требующим самого бережного отношения и государственной защиты, что сделано уже во многих странах мира, ибо он «поводырь наш в рай или ад», и им с абсолютной точностью определяется состояние общества и страны в целом. Чистый, незамутнённый, первозданный язык наш, о богатстве которого столь много говорилось, способен реально возродить родную Отчизну в прежней славе и величии. И это не какая-то эгоистическая идея, потому что нужна не только русским, а одинаково всем без исключения народам, населяющим нашу Россию. Это хорошо понимают и здравомыслящие политики, о чем свидетельствует сказанное однажды лидером Северной Осетии А.С. Дзасоховым: **«Будет хорошо русским, будет хорошо всем. Будет плохо русским, будет плохо всем!»**

Что касается нашей многострадальной Матушки-России, то она была, есть и будет. В этом лишний раз убеждают слова ее великого сына, Александра Семёновича Шишкова: «Народ российский всегда крепок был языком и верою: язык делал его единомысленным, вера – единосущным!» Следуя по пути святого Преподобного Нестора-Летописца, М.В. Ломоносова и всех, кто преданно служил русскому слову, он добрался до его славянорусских корней, ибо по твердому убеждению Шишкова: «Язык наш – древо жизни на земле и отец наречий иных!»

Как пытливый исследователь он полагался не на ложные концепции ученых мужей с норманнскими бреднями, а на незыблемый авторитет Священного Писания, его бездонное Святое Евангелие, потому что «В начале было Слово. И Слово было у Бога. И Слово было Бог!» Потому что «Все чрез Него начало быть!»

*Конец Рождественского поста, 2008 г.
Нижний Новгород*

ЛИТЕРАТУРА

1. «Русские мемуары. Избранные страницы 1800-1825 г.г.» Издательство «Правда». Москва. 1989.
2. «Русские мемуары. Избранные страницы 1826-1856 г.г.» Издательство «Правда». Москва. 1990.
3. «Герои 1812 года». Сборник. Серия биографий «Жизнь замечательных людей». «Молодая гвардия». Москва. 1987.
4. Алексей Песков «Павел I». Серия биографий «Жизнь замечательных людей». «Молодая гвардия». Москва. 2005.
5. Виктор Афанасьев «Ахилл, или Жизнь Батюшкова». Документальная повесть. «Детская литература». Москва. 1987.
6. «Адмиралы Российского флота». Серия «Россия поднимает паруса». Трехсотлетию Российского флота посвящается. Лениздат. Санкт-Петербург. 1995.
7. Н. А. Шефов «Тысячелетие русской истории». Хроника истории российской с кратким описанием знаменательных событий. «ВЕЧЕ». Москва. 2001.
8. «Георгиевские кавалеры. 1769-1850». Сборник в 4-х томах. «Патриот». Москва. Том I. 1993.
9. «Житие священномученика Митрополита Серафима (Чичагова). 1856-1937. Серия «Новомученики Российские». «Сатисъ». Санкт-Петербург. 1997.
10. Георгий Емельяненко «Язык наш поводырь наш в рай или ад». Сборник. Санкт-Петербург. 2001.
11. «Славянорусский Корнеслов». Фонд славянской письменности и культуры. Издание третье, дополненное. Санкт-Петербург. 2007.
12. Александр Шишков «Язык подобен древу» – «Историческая газета» № 1 (10) январь 2007 г. www.sofrinobank.ru.
13. Аркадий Минаков «Шишков Александр Семёнович (1754—1841)». Краткий биографический очерк. Воронеж. 30 декабря 2004 г. www.Правая.ru.
14. Александр Стрижев «Архимандрит Фотий (Спасский): жизнь для России православной» – www.fotopalomnik.ru.
15. В.О.Ключевский «Исторические портреты. Деятели исторической мысли». Издательство «Привда». Москва, 1991.
16. «Русский Вестник», №№ 14 и 20, 2007
17. С.М.Любецкий «Русь и русские в 1812 году». Книга для чтения всех возрастов. Серия «История России в рассказах для детей». Репринтное издание. Напечатана по изданию 1869 года, вышедшему в Москве в типографии П.Бахметева, на Сретенке, д. Карлони. «Современник».Москва, 1994.
18. «Друзья Пушкина». Переписка. Воспоминания. Дневники. В 2-х тт. Т. I. М., «Правда», 1986.